

УДК 008

Н. В. Багрова

КОНТЕКСТУАЛИЗМ В АРХИТЕКТУРНОЙ КРИТИКЕ КАК ВАРИАНТ ХРОНОТОПИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

В статье выдвигается тезис о возможности темпорально-оценочного структурирования архитектурно-критического дискурса посредством выделения время-ориентированных фреймов. Описаны характеристики контекстуалистического фрейма, основанного на представлении субъекта о современном ему настоящем с опорой на контексты актуальной культуры.

Ключевые слова: архитектурная критика, контекстуализм, хромотопические фреймы архитектурно-критического дискурса.

N. V. Bagrova

CONTEXTUALISM IN ARCHITECTURAL CRITICISMAS A VARIANT OF THE CHRONOTOPICAL FRAME

The article raised the point about the possibility of temporally estimated structuralization of architectural and critical discourse through the allocation of time-oriented frames. The characteristics of contextual frame described on the idea of the subject about the present, based on the context of contemporary culture.

Keywords: architectural criticism, contextualism, chronotypical frame in the architectural and critical discourse.

В отечественном и зарубежном архитектуроведении неоднократно предпринимались попытки анализа субъективной детерминации критического суждения. Тем не менее, установить отчетливо воспроизводимые корреляции между оценкой архитектурного артефакта и личностными установками критика до сих пор весьма затруднительно.

В качестве попытки преодоления проблемы структурирования субъективных посылок архитектурно-критического дискурса

и поиска единицы индивидуального критического суждения предлагается использование критерия субъективной установки критика. В качестве такого критерия полагается хромотопический фрейм, задающий ориентацию взглядов критика во временном векторе.

В настоящей работе производится анализ основных структур и механизмов действия психологической рамки, ограничивающей и концентрирующей внимание критического высказывания на синхронной реальности.

Фрейм, ориентирующий критическое суждение на настоящее относительно высказывания время, назван нами контекстуалистским.

Характерным для этого фрейма является неосознанность факта собственной хронологической ориентации высказывания. Фиксация на настоящем предполагает свободу от влияния категорий времени. Однако эта свобода иллюзорна, поскольку настоящее является таким же когнитивным образом, как прошлое или будущее. В качестве обоснования данного тезиса достаточно указать, что архитектуроведение, как искусствоведение и науковедение, являет нам множество примеров того, как одновременно существовавшие явления и высказывания впоследствии были оценены как «принадлежавшие времени», «запоздавшие» или «обогнавшие» его. И, напротив, множество событий архитектуры, впоследствии определивших облик времени, зачастую не были восприняты современниками как значимые, потому что не совпадали с существовавшим на тот момент образом Настоящего, или Современности, как стали говорить позднее.

Таким образом, термины «нунциальный» или «современностный» описывают больше идеальное содержание фрейма, но не его реальное наполнение. В реальности же фрейм, ориентированный на «здесь и сейчас» оценивает в качестве значимых объекты, принадлежащие к представленному, обсуждаемому, очевидному контексту. Именно в текущем контексте, в выраженном, явленном настоящем времени происходит формирование категорий контекстуалистской архитектурно-критической оценки.

Во многом причины, затрудняющие осмысление характеристик и ограничений контекстуалистского фрейма, связаны с тем, что мышление, ориентированное, прежде всего, на настоящее, не воспринимается в качестве одного из возможных вариантов, как говорение прозой не осознавалось героем комедии

Мольера. Тем не менее, контекстуалистское мышление, как и другие хронологические фреймы, налагает на мыслящего и высказывающегося свои ограничения и задает ряд приемлемых в пространстве фрейма сюжетов, обесценивая иные, выпадающие из рамки. Словами А. Раппопорта: «реализм воображения сводится к классической формуле “здесь и теперь” плюс ограниченные окрестности этих незыблемых координат» [1]. Распространенное утверждение гласит: «модернизм есть повторяющаяся уникальность», а тем временем ведь сам термин «модерн» сформирован для фиксации явлений в протекавшей тогда современности.

Как и другие фреймы, контекстуалистический фрейм в архитектурном мышлении имеет базу в виде психологических установок высказывающегося, а также ряд внутренних мифологем, задающих множество разрешенных сюжетов. Например, проблематика изменений функций архитектуры, активно используемая в пространстве футуристического фрейма, или задача утверждения через архитектуру традиционных гуманитарных ценностей, присущая ретроспективизму, в контекстуалистском пространстве выглядят как скучные и надуманные измышления.

Психологической основой контекстуалистского фрейма, очевидно, следует считать ощущение человека, покинувшего неподвижный, циклически замкнутый Космос мифа и чувствующего себя внутри одной из поступательных стадий последовательно развертывающейся линейной истории. Такая установка связана с формированием образа мышления европейского Нового времени. Однако с психологической точки зрения такой образ мышления существенно менее комфортен для индивида, чем восприятие себя как части гармоничного неподвижного Мироздания. Линейная история лишает человека «законной должности» необходимого структурного элемента согласованного Кос-

моса. Его существование становится случайным, а в масштабе времен – ничтожным.

Сюжет архитектурного жеста как акта, разрешающего противостояние человека и смерти, достаточно подробно освещался в отечественном и зарубежном архитектуроведении. В целом, контекстуалистская структура мышления предписывает архитектуре задачу уникального обозначения своего времени и, вместе с тем, обозначение реальности своего существования. С некоторой осторожностью можно предположить, что преобладание в мышлении индивида контекстуалистического фрейма имеет значимые корреляции с атеистическим мировоззрением, за отсутствием внешней точки отсчета и оценки как времен, так и жизни отдельных индивидов.

Таким образом, формирование как ценности всего «современного», «актуального» и «соответствующего» связано со стремлением маркировать уникальностью именно свое настоящее, вывести его из смазанной анонимности циклов ушедшего времени, противостоять обезличивающей смерти, освободить конкретное, родное и обживаемое время из цикла космических взаимопревращений, максимально сохранить узнаваемый индивидуальный паттерн.

Отсутствие рефлексии хронотопических фреймов в архитектурном дискурсе не дает возможности воспользоваться их описанием непосредственно из уст членов архитектурного сообщества. Хронотопический фрейм очевиден в генерализованных высказываниях об архитектуре, ее целях и функциях. Описание контекстуалистского фрейма наиболее полно представлено, на наш взгляд, в формулировке В. А. Никитина: «Архитектура мыслится как непрерывное осмысление идеи архитектуры через накопление культурно-закрепленных форм устройства пространства человеческого бытия... и в то же время – как движение в истории, где каждый архитектурный акт есть промысливание и “положе-

ние” нового мира, новых форм организации жизни, предъявления в образах и понятиях иного способа осмысления и устройства мира» [2, с. 143].

Очевидно, развитие наук об обществе постепенно сможет дать точный ответ на вопрос о том, почему и в какой последовательности сменяются ведущие детерминанты массового сознания, приводящие к власти над умами то один, то другой фрейм. Пока очевидно лишь, что такая смена не происходит в одночасье. Различно ориентированные тексты критического дискурса образуют некоторый градиент, зачастую видимый в интонации одного критика. Интересное описание этого смещения предлагает Г. Ревзин: «Характерной представляется неожиданная для М. Я. Гинзбурга неуверенность, двойственность позиции. С одной стороны, он говорит: “даже какой-то расцвет архитектуры”. Но, признавая этот расцвет, он тут же хватается за руку. Расцвет оказывается каким-то неправильным, незакономерным, потому что, расцветая, архитектура не “выдерживает проверки на современность”» [3, с. 25].

В отличие от ретроспективистского фрейма, где глубина перспективы от объекта оценивания до исторических аналогов только усиливает значимость объекта, суждение в рамках контекстуалистского фрейма обязано изыскивать основания для дистанцирования между актуальным, значимым, живым «сегодня» и отмершим, косным «вчера». Однако необходимость дистанцироваться от прошлого возникает чаще, чем революции, смены государственных религий или великие географические открытия. В таком случае дистанция вырабатывается искусственно, методом отказа от распространенных в дистанцированном прошлом форм и схем. Этот, многократно осмеянный эффект «ужаса перед туфлями из прошлогодней коллекции» на деле представляет собой достаточно глубокий механизм, предохраняющий инди-

вида и населенное им настоящее от слипания с прошлым и растворения в нем, превращения в безликое продолжение прошлого. Добавим к этому, что мышление в рамках контекстуалистического фрейма именно потому крайне ревниво к сохранению авторства, поскольку любой артефакт или идея в схеме данного фрейма принадлежат, закреплены за тем временем, в котором они явились впервые, и любое позднейшее использование только усиливает позиции действующего, живого авторского времени. Мощностность и способность к выживанию нунциального контекста определяется, таким образом, через два параметра: глубина дистанцирования от схем прошлого и степень влияния на будущее.

В итоге следует отметить характерную черту как специфически архитектурной, так и нарративной практик контекстуалистического фрейма. Такой чертой является выпадение обсуждаемого архитектурного акта из существующих, точнее, признанных как таковые, прототипов. Если в ретроспективистском ракурсе оценивается, насколько адекватно и гармонично сумел передать архитектор привычно воспринимаемые смыслы внутри, быть может, абсолютно нового прототипа, то для контекстуалистски настроенного критика ценным является сам факт постановки и решения архитектором нетрадиционных задач. Может показаться, что такое стремление к новизне более присуще футуристической ориентации критического суждения, однако характерной пограничной чертой фиксации на хронотопе настоящего является не помышление, а осуществление нового, интегрированность его в существующие и признанные реалии; а главное, включение любых инноваций в уже существующую структуру представлений о сущности архитектуры. Новизна связей, сочетаний, оцениваемая как однозначно положительный фактор, в пространстве контекстуалистического фрейма, на наш взгляд, стала одним из пусковых механизмов

развития эклектизма как состояния, в котором «старая система формообразования... продолжает жить, но в состоянии кризиса» [4, с. 88]. В пространстве представлений о хронотопических фреймах как о модификаторах критической оценки этот кризис можно охарактеризовать совмещением в одних и тех же артефактах и суждениях ретроспективистских моментов, а именно, традиционно семиотизированных форм, и нарастающей контекстуальной, нунциальной направленности новых сочетаний, новых связей, цитат из непривычных контекстов.

При этом следует особо подчеркнуть, что, в отличие от ретроспективистического фрейма, где объектами интереса и анализа являются значимые традиционные формы и схемы, контекстуалистический фрейм не имеет «собственного» набора форм, а концентрируется на изменении, прирастании значений. Разумеется, с погружением истекшей современности в кристаллизованное прошлое только немногие новые значения перерастают в нечто, имеющее ценность вне актуального контекста. Часть инноваций, к сожалению, ценна только фактом наличия изменений и забывается, теряет всякую значимость, утратив новизну. В масштабе истории архитектуры это означает, что периоды усиления контекстуалистического фрейма могут не отличаться от периодов ретроспективизма с его циклами возвратов к кристаллизованной традиции. Эпохи меняют не только когнитивный компонент представлений о современности. Сама современность всегда разная. Следовательно, проследить в архитектуре какого-либо периода контекстуалистские настроения гораздо сложнее, нежели выявить их в архитектурной критике того же времени.

Разумеется, довлеющий характер современно ориентированного мышления в качестве результата структурирующего, но неизбежно ограничивающего действия фрейма регулярно отмечается как один из серьезных

недостатков архитектурной критики периодов наибольшей популярности контекстуалистского фрейма.

Представляется, что в отечественной архитектурной критике было два периода, когда в архитектурном дискурсе наблюдалось существенное превалирование над остальными контекстуалистического фрейма.

В качестве первого следует выделить период, последовавший за футуристическим всплеском, границы которого очень четко описал Ян Левченко: «Умозрение в формах и проекты идеальной жизни в невиданной среде просуществовали в России примерно с 1922-го, когда из печати вышла брошюра Алексея Гана “Конструктивизм”, до 1932-го года, когда появился Союз архитекторов СССР» [5]. Однако чисто внешние, а именно политические причины лишают нас возможности анализировать результаты мыслительной и критической деятельности тогдашнего архитектурного дискурса по той причине, что свободный дискурс как таковой вскоре ушел из публичного, доступного позднейшим исследователям, пространства. Д. Хмельницкий считал, что в 1927 году в советской архитектурной критике появился острый спрос на хамов и приводил развернутые примеры того, как шаг за шагом отступала и сворачивалась в «кухонный» формат архитектурная критика, замещаясь манипулированием марксистской терминологией и взаимными упреками, за которыми трудно различимы реальные интересы и особенности картины мира действовавших архитекторов. Продолжали творить Леонидов и Ладовский, остался на свободе Мельников. Можно предполагать, что в некоем свернутом, закрытом виде традиция архитектурных суждений продолжала существование. Но, тем не менее, из публичной архитектурной жизни начала уходить свободная дискуссия и профессиональная терминология, что во многом определило сформированную именно в эти годы немоту

архитектурного сообщества, окончательно не преодоленную до сих пор. Мало материалов критики и дискуссий того времени. Еще меньше построено. Больше «бумажных» проектов, выражающих мнения и предпочтения авторов, часто не соотносящихся с идеологически выдержанными текстами.

Следующим периодом, в котором архитектурно-критическая деятельность активно использовала концептуалистический фрейм, можно считать период популяризации средового подхода в архитектуре. В идеологии средового подхода отразился высокорелексивный уровень контекстуалистического фрейма, в котором ощущение полноты «здесь и сейчас» достигается не через отторжение прошлого, но через погружение в настоящее, какое оно есть, без оглядки на конструируемые когниции ушедшего прошлого или далекого будущего. Именно средовой подход представляется, на сегодняшний день, наиболее рациональным вариантом развития контекстуалистического фрейма. Средовой подход в архитектурной критике, исследующий актуальную реальность архитектурного произведения в его актуальном, заданном окружении и анализирующий гармонию его в контексте окружения, формируется не через умозрительное, апофатически выражаемое настоящее, но через настоящее в смыслах текущего и реального.

Тем не менее, даже на сегодняшний день характерной приметой контекстуалистического фрейма является использование новых технических возможностей с максимальной демонстративностью. Критическая мысль выхватывает не столько усиление или улучшение существовавших форм, а ввод форм ранее несуществовавших, или в несуществовавших сочетаниях, что часто описывается как эклектизм. Своеобразным примером такой подчеркнутой десемантизации старых форм является постконструктивистская деятельность И. Голосова, вновь начавшего

применять на практике и положительно оценивать в критических публикациях традиционные элементы ордера в нетрадиционных сочетаниях. В этом случае необходимо вспомнить, что изначальный смысл слова фрейм – «рамка», граница. В этой рамке «архитектура нервно мечется от одного инновационного движения к другому, впитывая новые веяния, но теряя при этом вековые традиции, вольно или невольно попадая под соблазн историзма» [7, с. 158].

Однако рафинированные формы нулевой фиксации не характерны для архитектурно-критического дискурса. Обычно эти формы выражены наиболее ярко на стадии становления контекстуалистического фрейма. Укрепление его постепенно приводит к более опосредованным формам, как это произошло в отечественной архитектурной критике после окончания идеологического прессинга сталинской неоклассики. Фобическое отторжение прошлого, погоня за новизной любой ценой фиксируются в дискуссии как зашоренность, узость мышления. Необходимость преодоления жестких ограничений, накладываемых фреймом в его узкой, неразвитой вариации, понимание критикующим субъектом неправомерности такой погони за «тщетою дня» приводит к ситуации,

когда в качестве новации оценивается не конкретный архитектурный жест, будь то отдельная форма или архитектоника произведения, но согласование, гармония между обсуждаемым архитектурным объектом и окружающей его средой архитектурного, градостроительного, ландшафтного, социального, иных контекстов или их комплексов.

В завершение необходимо выделить два характерных признака хронотопического фрейма контекстуализма в архитектурной критике. Во-первых, – акцентированность критического суждения на «новизне» как основе дистанцирования от прошлого. Во-вторых, – привязка к реальному окружению обсуждаемой архитектурной единицы, к контексту ее текущего существования.

Описанные выше тенденции одной из возможных рамок мышления, формирующих архитектурно-критическое высказывание, а именно фрейма, ориентированного на настоящее и присущие ему контексты, заданные как логически детерминированная структура, могут иметь существенную эвристическую значимость при исследовании феномена архитектурной критики. Кроме того, подобное структурированное описание может послужить основой рефлексии современной архитектурно-критической активности.

Литература

1. Раппапорт А. Г. Антиномии нечистого воображения. – Чебоксары: «Культурная столица», 2004. – Режим доступа: <http://www.archi.ru/lib/publication.html>
2. Никитин В. А. Средовые интенции и движение архитектурных парадигм // Городская среда: проблемы существования. – М.: ВНИИТАГ Госкомархитектуры, 1990. – 190 с.
3. Ревзин Г. И. Картина мира в архитектуре. Космос и история // Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002. – 134 с.
4. Ревзин Г. И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века. – М.: Академия, 1992. – 169 с.
5. Левченко Я. Город пышный, город бедный // «Неприкосновенный запас». – 2010. – № 2 (70). – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1789/>
6. Ревзин Г. К вопросу о принципе формообразования в архитектуре эклектики // Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002. – 134 с. – С. 85–109.
7. Раппапорт А. Г. Среда и архитектура / А. Г. Раппапорт // Городская среда: проблемы существования. – М.: ВНИИТАГ, 1990. – 190 с.